

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Н.Р. Ойроткинова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

О жанровом разграничении алтайских паремий

Аннотация: Статья посвящена жанровому разграничению алтайских паремий на пословицы и поговорки. Анализ специальной литературы по фольклорной жанровой стратификации и исследование структуры и семантики алтайских паремий позволяет отнести их к двум самостоятельным жанрам. Алтайские пословицы (*кеп-сөстөр*) – это краткие, поэтически организованные, как правило, двухчастные высказывания назидательного характера, имеющие формы законченных предложений (простых или сложных) и прямые и переносные значения, выраженные преимущественно с помощью стилистических фигур (синтаксического параллелизма). Алтайские поговорки (*укаа-сөстөр*) – это краткие, обычно неритмичные, одночастные высказывания, характеризующие отдельные свойства природных явлений или состояний человека и имеющие буквальные или образные значения, выраженные с помощью прямых наименований или образных средств языка (сравнений, метафор и др.).

The article is devoted genre differentiation Altay proverbs and sayings. The analysis of the special literature on folklore genre stratification and research of structure and semantics Altay proverbs and sayings have allowed to carry them to two independent genres. The Altay proverbs (*kep-söstör*) are short, the two-private phrases of the instructive character having the forms of finished offers organised, as a rule (simple or difficult) both straight lines and the figurative senses expressed mainly by means of stylistic figures (syntactic parallelism). The Altay sayings (*ukaa-söstör*) are the short, usually spasmodic, one-private phrases characterising separate properties of the natural phenomena or conditions of the person and having literal or figurative values, expressed by means of direct names or figurative means of language (comparisons, metaphors, etc.).

Ключевые слова: фольклорные жанры, фольклор тюркских народов Сибири, алтайский язык, пословицы, поговорки, фразеологизмы, синтаксический параллелизм.

Folklore genres, folklore of the Turkic people of Siberia, the Altay language, proverbs and sayings, phraseological units, syntactic parallelism.

УДК: 81'44.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор фольклора народов Сибири. Тел. (383) 3301452. E-mail: sibfolklore@mail.ru.

Сочетание «пословицы и поговорки» сибирские тюркологи употребляют часто в качестве обозначения единого фольклорного жанра. В терминологии алтайской фольклористики аналогами этого сочетания могут выступать синонимы *кеп-сөстөр* (букв.: 'образные слова' или 'слова, имеющие форму'), *укаа-сөстөр* (букв.: 'поучительные слова') и *чечен-сөстөр* (букв.: 'меткие слова'). Сами носители алтайской фольклорной традиции, как и носители русской, не разграничивают последовательно пословицы и поговорки по каким-либо признакам. Подобное неразграничение коснулось и других жанров, в частности повествовательных не-сказочных (мифов, легенд, преданий), которые народ обозначает как *кеп-*

куучындар, что буквально означает «рассказы, имеющие форму». В этих двух терминах опорным компонентом стало слово *кеп* ‘форма, подобие’ [Ойротско-русский словарь, 2005, с. 79]. Для каждого малого фольклорного жанра характерны свои стилевые признаки, и фольклористика должна уточнять их специфику с учетом всех имеющихся функциональных, структурных и семантических данных о паремиях.

Цель этой статьи – представить результаты нашего исследования жанровой специфики алтайских пословичных и поговорочных паремий. Мы предлагаем свой опыт определения жанров «пословица» и «поговорка» в фольклоре алтайцев с учетом общих результатов жанровой стратификации в отечественной паремиологии. Полученные результаты видятся нам в перспективе актуальными для изучения не только алтайского фольклора, но и фольклора других тюркских этносов Сибири. В частности, в тувинском, хакасском и шорском фольклоре «пословицы и поговорки» также обозначаются одним сочетанием: в тувинском – *улегер сөстөр* (букв.: ‘поэтические слова’), в хакасском – *сөспектер*, в шорском, как и в алтайском, – *кеп-сөстөр* (букв.: ‘образные слова’).

В русистике разграничение жанров «пословица» и «поговорка» и, как следствие, соответствующих терминов до сих пор последовательно не проведено. О сложности изучения фольклорной жанровой стратификации можно узнать из трудов: [Пословицы русского народа, 2000; Потебня, 1990; Виноградов, 1946; Аникин, 1957, 1968; Кожин, 1967; Пермяков, 1988; Тарланов, 1999; и др.]. Так, один из первых собирателей и исследователей русских паремий В.И. Даль (1801–1872) предложил различать пословицы и поговорки по смыслу и строению. С его точки зрения, «пословица – коротенькая притча; сама же она говорит, что “голая речь не пословица”. Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» [Пословицы русского народа, 2000, с. 10]. Она, «как всякая притча», состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; хотя нередко, однако же, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословица почти не отличается от поговорки [Там же, с. 11]. Поговорка, по Далю, – это «способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна, первая половина пословицы, она ... не договаривает, но весьма ясно намекает. Например, вместо “он пьян” скажет: “У него в глазах двоится”, “он навеселе”, “язык лыка не вяжет”, вместо “он глуп” – “У него не все дома”, “одной клепки нет”» [Там же]. Важным считаем наблюдение Даля, что поговорка – это часть пословицы.

На иносказательный характер и образность поговорок и их связь с пословичными текстами обращали внимание А.А. Потебня и, значительно позже, В.П. Аникин. А.А. Потебня писал: «то, что у нас принято называть поговоркой (термин, искусственно созданный людьми книжными), относится к пословице так, как эмблема (мораль – *Н.О.*) к басне... Поговорка точно так же, как и эмблема, есть поэтический, т. е. иносказательный образ не столько сцепления лиц и действий, а одного из элементов этого сцепления, стало быть, – отдельно взятого лица, качества, действия. Если это так, то поговорка есть элемент басни или пословицы, частью происшедший из пословицы и басни, как остаток, сгущение их, частью же недоразвившийся до нее». Например, если мы по поводу известного лица говорим: «это свинья под дубом», «волк в овчарне», «похилое дерево» (последнее выражение ходит как часть пословицы: «на хилое дерево козы скачут»), – это будут поговорки» [Потебня, 1990, с. 105]. Или: «Вот несколько примеров поговорочных выражений для определения действия: «тянет лямку» (т. е. живет с трудом). Это будет поговорочное выражение, а не пословица. Если же сказать: «Тяну лямку, пока не вырают ямку», т. е. что вся жизнь проходит как у бурлака, в тяжелой работе до гроба, – это будет пословица образная» [Там же].

Из этого следует, что В.И. Даль и А.А. Потебня под поговорками имели в виду образные выражения, семантически и структурно близкие фразеологическим, причем, по их мнению, пословицы и поговорки могут функционировать как самостоятельные высказывания, но поговорки реализуют свои значения в более узких речевых контекстах и уместны в разговорной речи в тех случаях, когда необходимо охарактеризовать предмет, лицо, действие через какую-либо деталь.

В.П. Аникин определил поговорку как «широко распространенное образное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление. В отличие от пословиц, к которым они близки по форме своей, поговорки лишены прямого обобщенного поучительного смысла и ограничиваются образным, нередко иносказательным определением какого-либо явления» [Аникин, 1957, с. 14]. Но образность и переносный смысл присущи и пословицам (определенному их типу) и поговоркам, следовательно, эти признаки, на наш взгляд, не могут быть включены в число жанрово дифференцирующих. Пословица не простое изречение. Она всегда выражает мнение народа, в ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Соответственно, «не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей – такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век» [Аникин, 1968, с. 3]. Заметим, что при дальнейшем описании алтайских единиц мы обозначим термином «пословица» такие высказывания назидательного и оценочного типа, которые имеют синтаксическую форму предложения и поучительный смысл, выраженный прямо или иносказательно.

Вопросу о разграничении рассматриваемых терминов была посвящена и специальная статья А.Н. Кожина [1967], в которой автор попытался дифференцировать изречения, опираясь на их структурно-грамматические характеристики и виды лексической наполняемости. По мнению исследователя, пословица в структурно-грамматическом отношении не отличается от поговорки: обе они строятся как предложения [Там же, с. 5–12], причем «поговорочные речения занимают промежуточное положение, они находятся на пути движения идиоматических форм речи (пословицы) во фразеологическую систему русского языка» [Там же, с. 12]. Проблема структурной сущности пословицы и поговорки в этой работе осталась незатронутой.

По мнению В.П. Жукова, пословицы, наоборот, могут иметь и буквальный и переносный смысл, а поговорки обладают лишь буквальным. По его определению, «пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого или сложного). Пословица выражает суждение [исключение составляют пословицы, имеющие побудительный смысл (ср. *“Готовь сани летом, а телегу зимой”*), которые, строго говоря, суждениями не являются]. Пословица обладает буквальным и переносным смыслом (*“Близок локоть, да не укусишь”*) или только переносным смыслом (*“Горбатого могила исправит”*) и легко противопоставляются свободному предложению такого лексического состава» [БЭС, с. 389]. В отличие от других паремологов, В.П. Жуков определил поговорку как краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение: *«Насильно мил не будешь»*, *«В тесноте да не в обиде»*, *«Коса – девичья краса»* и т. п. [Там же, с. 379].

Г.Л. Пермяков [1988], разграничив рассматриваемые единицы по синтаксическому признаку, считал, что основной критерий в их дифференциации – наличие синтаксической завершенности / незавершенности. С его точки зрения, «замкнутые предложения составляют пословицы, а незамкнутые – поговорки» [Пермяков, 1988, с. 18]. На основе этого ученый выделил три типа клише: поговорка, пословица, побасенка. Их он определил следующим образом: поговорка –

это «незамкнутое предложение, пополняемое из речевого контекста» (типа *Оставил корову сторожить сено*); пословица – «замкнутое предложение, состоящее из одних постоянных членов» (типа *Сорванное яблоко обратно не прирастет*); побасенка – это «сверхфразовое единство (сценка)» (типа *Верблюду сказали: «Поздравляем, тебя сам царь вызвал!» – «Знаю, – ответил тот, – или в Кохб за солью пошлет, или в Шашур за рисом»*) [Пермяков, 1988, с. 18]. Заметим, что подобных побасенок, например, в алтайском паремиологическом фонде очень мало (в нашей картотеке 7 единиц из 1402 текстов: *Каргаа картылдап: «Карчаганы мен тептим», – деди* [АКС] ‘Ворона, каркая: «Ястреба я пнула», – сказала’; и др.). Нами они не выделяются в самостоятельный тип, поскольку мы считаем их одной из синтаксических разновидностей пословиц, построенных в форме прямой речи. Ключевые образы животных и птиц в этих изречениях, представляющие собой аллегории о человеческих поступках и качествах, также несут в себе поучительный и оценочный смысл.

З.К. Тарланов, изучив синтаксический строй русских пословиц, заключил, что, напротив, «неполнота синтаксического оформления типична для многих пословиц, она не противоречит их жанровой природе» [Тарланов, 1999, с. 35]. Он считает пословицей краткое изречение назидательного характера в форме предложения, обязательно имеющее переносное значение и обобщающую функцию. С его точки зрения, осмысление сущности пословицы как жанра должно предполагать учет следующих ее важнейших характеристик, которые отчетливо противопоставляют ее так называемым фразеологическим единицам: а) пословица всегда имеет форму предложения, вне предложения нет пословицы; б) пословица всегда выражает суждение или ряд суждений; в) пословицу нельзя идентифицировать при помощи слов-синонимов; г) пословица обобщает жизненный опыт в виде общепринятых правил» [Там же, с. 35–36]. Исследователь указывает на еще одну важную черту пословицы – обобщенность ее значения. Именно поэтому «в пословице используются ... только такие лексические, грамматические и другие средства, которые, становясь элементами ее композиции, способствуют обобщению заключенного в ней содержания» [Там же, с. 48].

Поговорка, которая «не облекается в форму предложения, но которая тоже может выступать в облики предложения», должна определяться по следующим своим критериям: 1) поговорка-предложение поддается идентификации при помощи слов-синонимов: *Кот наплакал* (=мало); *Не баран начихал* (не пустяк) и т. д.; 2) в поговорках-предложениях глагольные предикаты выражаются (и) формами прошедшего времени, что совершенно исключено для пословиц, если они не оформлены в виде сложных синтаксических структур (*Кто горя не знавал*); 3) поговорка-предложение свободно включает в себя слова конкретно-указательной семантики, к которым могут быть отнесены личные, лично-временные, притяжательные местоимения, глагольные формы конкретно-временной направленности, недопустимые в пословице [Там же, с. 36]. З.К. Тарланов, подтверждая свои мысли выводами А.А. Потемби (см. выше), заключает, что «поговорка относится к пословице как часть к целому. Пословица самодостаточна для отдельного функционирования. Поговорка же для функционирования должна быть включена в превосходящую ее речевую единицу, в составе которой и приобретает функциональный статус, характеризуя, освещая отдельные стороны предмета речи» [Там же, с. 36–37].

Исследователи пословично-поговорочных текстов сибирских тюркских этносов в определении сути базовых понятий паремиологии опираются на опыт русистов и разрабатывают свою классификационную систему. Например, исследователи хакасского фольклора М.А. Унгвицкая и В.Е. Майногашева считают, что поговорки – это образные характеристики человека и явлений, которые не называются, а подразумеваются: *Часхьдагы ла мал осчаччың* ‘Тош как весенний скот’ (о бедном, худом человеке); *Адай осчас хапхычыл* ‘Словно собака кусачая’

к добру не приведут'. Они возникают в результате наблюдения человека за окружающими явлениями.

Наличие образных средств в структуре *укаа-сөстөр* все равно не дает нам основания отнести их к пословицам, так как они не имеют поэтической формы. Поговорки с прямой мотивировкой значений могут содержать отдельные словесные образы, т. е. включать словами с переносными смыслами. По нашим наблюдениям, в более чем половине таких поговорок (133 ед. – 55,7 %) могут присутствовать образно-поэтические средства: сравнения, метафоры и другие тропы и фигуры речи. Например: *Өчөш кижги өштүге тунгей* [АПП] 'Зловредный человек врагу подобен'; *Бичик билбес кижги сокордый* [АПП] 'Неграмотный человек, как слепой'. Сравнение денег с баданом – растением связано с представлением этих предметов, как быстро кончающихся: *Акча – кылбыш* [АЧС] 'Деньги – [как] бадан'. В следующей поговорке выражена количественная гиперболизация *алты* 'шесть': *Албатынын көзи алты* [АЧС] 'У народа шесть глаз'; *Башканын баары соок* [ТБ] 'У чужого душа (букв.: печень) холодная'.

К поговоркам следует также относить одночастные изречения, представляющие собой аллегории, которые иносказательно выражают стереотипы поведения человека. Так, в следующих изречениях присутствует субстантивная метафора: *Ийт жибес ажына умзанар* [АЧС] 'Собака надеется на еду, которую не съест' (о человеке, который надеется на чужое); *Сүмелү тұлкүчек кемди мекелебеген* [ФМ 41] 'Хитрая лисица кого только не обманывала'; *Эки айу жангыс ичегенде жарашпас* [АКС] 'Два медведя в одной берлоге не уживутся'. Прямое значение в этих высказываниях имеют предикаты-сказуемые.

Система алтайских пословиц и поговорок тесно связана с системой фразеологизмов – *бузылбас сөскөлбулар* (букв.: неразрывные словосочетания). Так, алтайский народный образ, выражаемый фразеологизмом *жоон мойын* 'толстая шея' (о физически или духовно крепком человеке, народе), связан с поговоркой: *Жоннын мойны жоон* [СИ] 'У народа шея толстая'. И пословицы, и поговорки, и фразеологизмы входят в паремиологический фонд языка, так как являются устойчивыми единицами и воспроизводятся в памяти в качестве готовых клише. В свое время В.В. Виноградов [1946; 1947] отнес их русские аналоги, наряду с фразовыми клише, литературными цитатами, крылатыми выражениями, к фразеологическим единствам, а Н.М. Шанский [1963] – к фразеологическим выражениям. Л.И. Швыдкая [1973], А.В. Кунин [1986] считают русские пословицы разновидностями фразеологизмов, имея в виду то, что они, как и все фразеологизмы, употребляются в переносном значении, семантически целостны и синтаксически нерасчленимы. Так, А.В. Кунин рассматривает русские поговорки как коммуникативные фразеологические единицы и включает в их круг не только незамкнутые поговорочные структуры, но и стереотипные выражения, имеющие вид замкнутых, законченных предложений [Кунин, 1986, с. 317–318]. С точки зрения З.К. Тарланова, «принципиальное отличие фразеологизмов, включая и поговорки, от пословиц состоит в том, что всякий фразеологизм теоретически – это соединенное постоянное содержания с постоянной формой. Поэтому лексико-семантические и грамматические архаизмы обычны для фразеологизмов, ср., напр.: *белены объелся, одним миром мазаны, бить баклуши, тьма крошечная, во всю Ивановскую* и т. д.» [Тарланов, 1999, с. 38].

Фразеологизмам (*бузылбас сөскөлбулар*) посвящены работы А.Э. Чумакаева, в частности: «Алтайско-русский фразеологический словарь» [2005] и монография [2002]. Их автор, вслед за Н.М. Шанским, придерживавшимся широкого подхода к фразеологии, утверждает, что пословицы и поговорки, фразовые штампы, клише, литературные цитаты, крылатые выражения относятся к фразеологическим выражениям [Чумакаев, 2005, с. 21]. Однако в словарь эти фразеологические выражения не вошли, в словарный корпус были включены лишь идиомы – фразеологические сращения и единства.

Исследование алтайских пословиц и поговорок показывает, что фразеологизмы, представляющие собой устойчивые словосочетания, либо восходят к пословицам, либо служат материалом для их создания. Среди 1402 пословиц и поговорок нами выявлено 58 таких единиц. Приведем некоторые из них:

адын чыгарар (букв.: 'выводить, выносить свое имя') 'делать себя известным, популярным, прослыть (с хорошей или плохой стороны)': *Жаманла мелдешпе – Жаман адын чыгар* [ФМ 355] 'С плохим не связывайся – / Сам плохим прослывешь';

жымжак жүрек (букв.: 'мягкое сердце') 'добросердечный': *Колы каткак – Жүреги жымжак* [ФМ 242] 'Руки твердые – / Сердце мягкое';

жүрегин жиш (букв.: 'сердце поедать') 'разочаровывать', 'надоедать': *Тат темир жиш*, / *Корон жүрек жиш* [ЭЭС] 'Ржавчина железо разъест, / Зло сердце разъест';

соок күйүндү (букв.: 'с холодным сердцем') 'быть без настроения': *Күйүнчектин күли соок*, / *Күн чалыза – күйүни соок* [К] 'У завистника зола остывшая, / Солнце засияет – настроения нет';

ичи күйгек (букв.: 'нутро его горящее') 'завистливый', 'ревнивый': *Ийт жастанган жадын жатпас*, / *Ичи күйгек тыш отурбас* [ФМ 35] 'Кто собаку подложил – спокойно не лежит, / У кого нутро горит – спокойно не сидит';

ичи күйер (букв.: 'нутро его горит') 'переживать': *Агашка жуук эт күйер*, / *Адага жуук ич күйер* [ТТ] 'Вблизи головешки мясо горит, / У [сына,] близкого отца, душа горит';

ичи өртөлөр (букв.: 'нутро жжет') 'беспокоит': *Мырч оосты өртөөр*, / *Жаман тил ичти өртөөр* [ФМ 41] 'Перец рот жжет, / Злой язык нутро жжет';

мандайы калын (букв.: 'лоб его толстый') 'грубый', 'бессовестный': *Уйалбас кижинин мандайы калын* [АПП] 'У бесстыдного человека лоб толстый';

ичин өйөр (букв.: 'нутро его жмет') 'не давать покоя': *Комургайлу өлөн кол сайар*, / *Комудалду санаа ич өйөр* [АКС] 'Сухая трава руку колет, / Печальная дума нутро жмет';

жолы ачык (букв.: 'дорога его открытая') 'светлый жизненный путь': *Кызыранкайдын жолы туйук*, / *Быйанзактын жолы ачык* [ФМ 96] 'У себялюбца дорога тупиковая, / У благодарного дорога открытая';

узун тил (букв.: 'длинный язык') 'языкастый': *Узун тискин колго оролор*, / *Узун тил башка оролор* [АКС] 'Длинный повод руки опутывает, / Длинный язык голову опутывает'; *Уурчынын колы узун*, / *Копчынын тили узун* [ЭЭС] 'У вора руки длинные, / У сплетника язык длинный'. В поговорке с этим же фразеологизмом использована зооморфная метафора: *Уйдын тили узун* [ЭЭС] 'У коровы язык длинный'. С коровой отождествляется болтун или сплетник. Другими словами, фразеологизмы или поговорки могут служить пословичными элементами, то есть входить в состав более крупных клише.

Аналогичное явление наблюдается и в русских поговорках [Благова, 2000, с. 34–35]: *Чудеса в решете – Чудеса в решете: дыр много, а вылезти негде; Держать камень за пазухой – Дружиться дружись, а нож (или камень) за пазухой держи*.

Таким образом, мы попытались разграничить алтайские жанры и соответствующие термины *кеп-сөс*, *укаа-сөс* и *бузылбас сөскөлбү*. Фразеологизмы эквивалентны словосочетаниям, а пословицы и поговорки, являясь знаками ситуаций или отношений между ними, семантически эквивалентны предложениям. В отличие от пословиц, поговорки и фразеологизмы не имеют стихотворной композиции, но и те и другие схожи в одном: в речевом использовании они всегда жестко привязаны к определенным контекстам.

Пословицы и поговорки следует отличать от иных форм клише: авторских афоризмов – высказываний, восходящих к художественным текстам, а также от афоризмов, характерных для языка эпических текстов (*кай чөрчөк* – букв.: 'сказка,

исполняемая горловым пением'). Выполненный нами анализ алтайских пословиц и поговорок в структуре эпических произведений подтвердил то, что они имеют свои отличительные особенности (см. подр. [Ойроткина (Байжанова), 2003; 2004]): эпические афоризмы, или эпические формулы, отличаются от пословиц и поговорок тем, что в них отсутствует назидательный смысл. Они лишь характеризуют определенные эпические константы, тесно связанные с сюжетным повествованием (эпические время, локум, описания действий или состояний героев и т. д.). В качестве примера приведем формулу быстрого отъезда героя на коне: *Тепкен јери нар полды, / Парган јери јоголды* 'Следы, где [в упряжи] оттолкнулся, были, / Следы, куда он умчался, исчезли' [УНУ].

Если эпические формулы служат характеристиками каких-либо эпических констант, то в сказаниях с помощью пословиц сказители сами или устами своих персонажей описывают нравственные качества людей, восхваляют их ум, осуждают глупость и бесстыдство. Пословичные тексты, благодаря поэтической форме, легко встраиваются в различные фольклорные произведения: *Көзи чокту, / Көкси ойлу* [ТТ] 'Глаза лучистые, / Сердце мудрое' (о мудром, умном человеке); *Алын эдеги кыскарган, / Кийин эдеги узаган* [АЧС] 'Передняя пола его [шубы] стала короче, / Задняя пола его стала длиннее' (старом человеке); *Бычагы јок јуу јиген, / Камчызы јок јорго минген* [ЭЭС] 'Без ножа сало ел, / Без плетки иноходца седлал' (о сметливом человеке). Пословицы, поговорки и другие клише, в том числе и эпические, служат емкими образными средствами «консервирования» и передачи глубинных смыслов из поколения в поколение. Формулы выступают средствами создания и сохранения эпических памятников в устной традиции и способствуют сохранению стилевого единства эпических текстов. В целом, пословицы и поговорки – это общие суждения, их легко применить к множеству сходных жизненных случаев, ситуаций. Они хорошо запоминаются благодаря разным структурным и семантическим особенностям (созвучиям, образно-выразительным средствам и т. д.).

Итак, проведенные анализ специальной литературы и исследование структуры и семантики алтайских паремий позволили нам отнести их к двум самостоятельным жанрам: пословичному и поговорочному. Алтайские пословицы (*кеп-сөстөр*) – это краткие, поэтически организованные, как правило, двухчастные изречения назидательного характера, имеющие формы законченных предложений (простых или сложных) и прямые и переносные значения, выраженные преимущественно с помощью стилистических фигур (синтаксического параллелизма). Алтайские поговорки (*укаа сөстөр*) – это краткие, обычно неритмичные, одночастные изречения, характеризующие отдельные свойства природных явлений или состояний человека и имеющие буквальные или образные значения, выраженные с помощью прямых наименований или тропических средств (сравнений, метафор и др.).

Условные сокращения источников

Опубликованные

АПП – Алтайские пословицы и поговорки / Сост. С.С. Суразаков. Горно-Алтайск, 1956.

АКС – Алтай кеп-сөстөр / Сост. Л. Кокышев. Горно-Алтайск, 1959.

ААЧС – Алтай албатынын чүмдү сөстөри / Сост. Т.С. Тюхтенев, Г.Д. Голубев. Горно-Алтайск, 1962.

АА – Алтайдын алкыштары (Благопожелания Алтая) / Сост. Б.Я. Бедюров. Горно-Алтайск, 1985.

АИ – Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1893.

АЧС – Алтай чүмдү сөс. Горно-Алтайск, 2007.

- К – Кыдыева А.В. Алтайдын Чолмоны. 1998.
ТА – Тыдыков А. Байат чөрчөктөр (Сказки байатов). Горно-Алтайск, 1994.
УНУ – Улагашев Н.У. Алып-Манаш. Алтайские героические сказания. Горно-Алтайск, 1985. Т. 1.
ЭЭС – Кудачинова М.С. Элдин эрјине сөстөри. Горно-Алтайск, 2005.
ЯКНС – Пословицы-поговорки // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2004. Вып. 15. Чалканский сборник. / Отв. ред. Н.Н. Широбокова. С. 161–168.

Архивные

- ФМ¹ 41. Записано Н.А. Каланаковым 1910 г.р., Онгудайский район.
ФМ 96. Записано А.М. Борбуевым, Шебалинский район, 1956 г.
ФМ 242. Записано К.А. Биудиновым, с. Кокаря Кош-Агачского района, 1969 г.
ФМ 286. Записано Е. Конуновым, с. Саратан Улаганского района, 1974 г.
ФМ 355. Записано М.Ч. Алтайчиновым, 1984 г.
ФМ 359. Записано К.И. Максимовым, 1984 г.

Информанты

- Саданова Ира, 1951 г.р., с. Экинур, Усть-Канского района. Запись. 2004 г.
Тадышев Будулай, 1941 г.р., с. Балыктуюль Улаганского района. Запись 2006 г.
Тазранова Лира Евгеньевна, 1981 г.р., с. Саратан, Улаганского района. Запись 2006 г.
Тойдонова Тамара Семеновна, 1953 г.р., с. Саратан Улаганского района. Запись 2006 г.

Литература

- Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957.
Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Л., 1946. С. 45–69.
Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Академик А.А. Шахматов 1864–1920. М.; Л., 1947.
Благова Г.Ф. Пословица и жизнь. Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М., 2000.
БЭС: Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.
Даль В.И. Напутное // Пословицы русского народа. М., 2000.
Кожин А.Н. О разграничении пословиц и поговорок // Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. М., 1967. Т. 204. Вып. 14. С. 5–12.
Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986.
Ойроткинова (Байжанова) Н.Р. Пословица как эпическая формула в типических местах алтайского героического эпоса // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 103–108.
Ойроткинова (Байжанова) Н.Р. Семантические типы эпических формул алтайского героического эпоса // «Джангар» в евразийском пространстве. Материа-

¹ ФМ – фольклорные материалы архива Научно-исследовательского института алтаистики Республики Алтай; число обозначает номер папки.

лы международной научной конференции (г. Элиста, 27 сентября – 2 октября 2004 г.). Элиста, 2004. С. 75–78.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990.

Тарланов З.К. Русские пословицы: Синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999.

Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972. С. 248–263.

Чумакаев А.Э. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики и состояния лица в алтайском языке в сопоставлении с русскими. Новосибирск, 2002.

Чумакаев А.Э. Алтайско-русский фразеологический словарь. Горно-Алтайск, 2005.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1963.

Швыдка Л.И. Синонимия пословиц и афоризмов в английском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1973.